

Жаклин Уилсон
Опасная игра
Серия «Трейси Бикер», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8602308
Жаклин Уилсон. Опасная игра: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74983-6

Аннотация

Что бы вы сказали, если бы сбылась ваша самая заветная мечта? Наверняка кричали бы от радости. А если сразу две, то счастьем просто не было бы предела. Но все не так у Трейси Бикер! Больше всего на свете она хотела, чтобы однажды приехала мама и забрала ее из интерната. Потом Трейси подружилась с писательницей Кэм и стала мечтать, чтобы та взяла ее к себе. И вот оба желания девочки исполнились, и теперь она не знает, чего хочет на самом деле – остаться с приемной мамой или со своей родной. И как всегда в трудных ситуациях, Трейси Бикер пускается в новые приключения!

Содержание

Без дома	5
Дома у Кэм	12
Дома у Илень	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жаклин Уилсон

Опасная игра

Посвящается

*Джесси Аткинсон, Франческе Оутс, Зои, Ли и Саре, Эмме Уокер,
всем моим друзьям в школе Редрифф и всем, кому интересно, что было
дальше с Трейси Бикер*

Читатели очень полюбили «Историю Трейси Бикер». Много лет меня просили написать о Трейси еще. Всем хотелось узнать, что с ней было дальше. В конце первой книги Трейси уверена, что Кэм возьмет ее к себе, но мы не знаем точно, случится ли это, а если да – уживутся ли они друг с другом.

Дети часто присылали мне письма с новыми приключениями Трейси – иногда очень даже интересными, иногда смешными, а иногда совершенно не подходящими для печати! Долгое время я считала – пусть так и остается, пускай читатели сами придумывают истории о Трейси Бикер.

А потом меня попросили написать пьесу для детского театра в Манчестере. Как известно, при слове «Манчестер» люди первым делом вспоминают о футболе – вот я и решила, что в пьесе обязательно должен быть футбольный фанат. Поскольку сцена в театре круглая, я планировала, что актеры и зрители будут перебрасываться мячом и вообще взаимодействовать. Затем я придумала умненького, но хилого мальчика по имени Александр, который даже ради спасения жизни не способен как следует пнуть мяч. Требовался еще и третий персонаж – девочка. Да с характером, чтобы не спасовала перед футболистом. Я начала выписывать ее роль и вдруг чувствую – что-то знакомое... Ну точно, это же Трейси!

Я придумала для пьесы множество подначек. В первой книге Жюстина на слабо произносит неприличное слово при священнике, а Трейси голышом выбегает в сад, и обе девочки пытаются съесть живого червяка. Эти сцены особенно полюбились читателям, так что я решила ввести в пьесу еще новые подначки – смешные, не очень приличные, дурацкие, а в кульминационной сцене – опасные для жизни.

Сочинять было ужасно весело. Приятно снова окунуться в жизнь Трейси. На этот раз я постаралась написать по-настоящему счастливый финал. Пока я заканчивала пьесу, театр сгорел. Когда его заново отстроили, там сменилось руководство, и новый директор не захотел ставить мою пьесу.

Тогда я сделала из нее повесть. Добавила подробностей и узнала много нового о каждом из персонажей. Я очень рада, что довела историю Трейси до конца. Только... разве это конец? Скоро выйдет новая повесть, под названием «Трейси Бикер – суперзвезда» – о том времени, когда Трейси еще жила в детском доме, и о том, как они там празднуют Рождество. Возможно, будут и еще книги о Трейси Бикер. Трейси-подросток? Трейси влюбилась? Трейси Бикер – молодая мама? Трейси Бикер – знаменитая писательница, актриса, телезвезда? Поживем – увидим!

Жаклин Уилсон

Без дома

Помните старый фильм, который всегда показывают по телику на Рождество, – «Волшебник страны Оз»? Я его обожаю, особенно Злую ведьму Запада, с ее зловещим хохотом, и зеленым лицом, и замечательными летучими обезьянами. Я бы все на свете отдала, только бы у меня была ручная злобенькая летучая обезьянка! Она бы носилась по небу, хлопая крыльями, а как учует противный учительский запах мела и растворимого кофе – ка-ак спикирует сверху на миссис Рвоту Мешкли и унесет ее далеко-далеко! И пусть училка визжит во все горло, так ей и надо.

Я всю жизнь сочиняю разные истории, у меня замечательно получается, а с тех пор как перешла в дурацкую новую школу, миссис Р.М. только и пишет на моих сочинениях: «Грязь в тетради» и «Трейси, следи за правописанием!» На той неделе мы писали сочинение про ночь, мне тема жутко понравилась, и я восемь с половиной страниц накатала. Про то, как девочка вышла ночью из дома, кругом темно и страшно, и вдруг на нее бросается маньяк и хочет убить, а она от него удирает, прыгает в реку, а там распухший труп утопленника плавает, а она на берег, а там огонек виднеется, это на кладбище страшные сектанты хотят принести в жертву невинную юную девушку, а тут как раз эта девочка им подвернулась...

В общем, история получилась классная, Кэм никогда в жизни такую не сочинить (я вам про Кэм тоже расскажу). По-моему, такой рассказ хоть сейчас издавать можно. Я его распечатала на компьютере Кэм, получилось аккуратно-аккуратно, и через проверку орфографии прогнала, чтобы ошибок не было. Думала, миссис Р.М. хоть тут расщедрится и напишет:

«Очень хорошо, молодец, Трейси! Десять баллов тебе и три золотые звездочки, а на большой перемене я тебе конфеты «Смартис» куплю».

Знаете, что она написала на самом деле?

«Трейси, я вижу, что ты старалась, но стиль чересчур витиеватый. Просто удивительно, где твое воображение блуждает!»

Я посмотрела в словаре, что значит «витиеватый». Там написано: «Слишком изысканный, с замысловатыми выражениями». Ага, вот бы саму миссис Мешкли завить винтом, так, чтобы глаза вылезли на лоб, а руки и ноги обмотались вокруг толстой попы! Вот, кстати – стоит мне хоть одно не совсем приличное словечко написать, миссис Р.М. прямо на стену лезет от злости. Не знаю, что она станет делать, если я напишу по-настоящему нехорошие слова, вроде ****, и ****, и ***** (зачеркнуто цензурой!).

Я еще слово «блуждать» посмотрела. Мне понравилось такое значение: «Странствовать, скитаться». Вот этим я сегодня и занялась – гораздо приятнее, чем сидеть в дурацкой школе. Я удрала и скиталась по городу в свое удовольствие. Зашла в магазин канцтоваров, купила на все карманные деньги толстенький фиолетовый блокнот. Буду в нем записывать свои витиеватые мегапсихожастики, и пусть мое воображение блуждает себе на просторе. И о себе тоже напишу. Я уже написала «Историю Трейси Бикер». Значит, теперь будет «История Трейси Бикер-два», или «Новые приключения отважной Трейси Бикер», или «Потрясающие новые похождения жутко умной и потрясающей Трейси Бикер», или «Продолжение истории о кошмарной Трейси Бикер, в сто раз ужаснее Злой ведьмы Запада».

Ах да, я же начала рассказывать про «Волшебника страны Оз». Там в фильме есть один очень страшный кусочек. Я его не могу смотреть. Когда в первый раз увидела – чуть не заплакала. (Только я никогда не плачу, потому что я крутая. Круче всех.) Это в самом конце, когда Дороти хочет удрать из страны Оз. Между прочим, я ее понять не могу. Кому это надо – возвращаться в скучный черно-белый Канзас, где ты станешь обычной девчонкой и собаку у тебя заберут, когда можно было и дальше гулять по стране Оз в волшебных башмачках? Ну, Дороти весь фильм тупит. Могла бы сразу сообразить, что достаточно щелкнуть каблучками – и вернешься домой. Вот оно! То самое. Когда она говорит: «Нет ничего лучше дома».

Не могу я это слышать! Потому что у меня дома нет. Совсем нет.

Ну, то есть раньше не было. Детский дом, конечно, не считается. Это не настоящий дом, а свалка для трудных детей. Тупых, злобных, некрасивых – таких, кого никто не хочет взять в приемную семью. Кого уже не надеются сбить с рук и выбрасывают на помойку. Правда, в нашем детдоме такие противные дети попадались, им только на помойке и место. Особенно эта Жюстина Литгловуд...

Мы с ней были заклятыми врагами. Потом, правда, помирились. Я даже подарила Жюстине свою чудесную шариковую ручку с Микки-Маусом. На другой день пожалела и попросила вернуть – хотела притвориться, будто я ее только на время отдала, но Жюстине лапшу на уши не навешаешь. Ни спагетти, ни вермишель и вообще никакие макаронные изделия.

Странно вообще-то – я теперь скучаю по Жюстине. Как-то весело было с ней враждовать и подначивать друг друга. Я всю жизнь лучше всех придумываю разные дурацкие подначки и всегда выигрывала, пока не появилась Жюстина. Да я и у нее выигрывала. Почти всегда. Правда! Но Жюстина тоже умела выдумывать такие заковыристые подначки, что – ух!

Мне ее не хватает. И Луиз тоже. И особенно Питера. Вот тоже странно – поначалу я терпеть не могла Хлюпика Питера, а теперь оказывается, он был моим лучшим другом. Увидеться бы с ним как-нибудь... А лучше – вот прямо сейчас. А то я совсем одна. Конечно, школу прогуливать страшно весело, а еще я нашла самый замечательный тайник на свете, только все равно мне чуточку одиноко.

Друг сейчас не помешал бы. Когда живешь в детском доме, надо стараться заводить побольше друзей, потому что семьи-то у тебя нет.

Ну, у меня семья как раз есть.

У меня чудесная красивая мама, самая лучшая на свете. Она жутко знаменитая кинозвезда, снимается в Голливуде и постоянно занята на съемках. Ей некогда со мной видеться, потому меня и отдали в детский дом...

Кого я обманываю? Ни вас, ни даже себя. Такую ерунду я всем рассказывала, когда была совсем маленькая. Другие малыши слушали, развесив уши, и даже восхищались ино-

гда. А сейчас, если я начинаю болтать про кино съемки, все только губы кривят, а стоит отвернуться – хохотать начинают. Это еще те, кто подороже. Другие мне прямо в лицо говорят, что я чокнутая. Они вообще не верят, что у меня мама киноактриса. А я точно знаю, она снималась в кино! Мама мне прислала большую глянцевую фотографию, там она в нижнем белье, и теперь все хихикают: «В каких это фильмах, интересно, твоя мама снимается?»

Ну, я им тоже сдачи даю. Иногда в прямом смысле – я кулаками махать здорово умею. А иногда только мысленно представляю. Надо было и миссис Рвоте Мешкли мысленно ответить. Учителя не любят, когда им прямо в лицо говоришь, что о них думаешь. Сегодня Р. М. новое сочинение нам задала – «Моя семья». Считается, так мы учимся писать свою автобиографию, а на самом деле это просто способ учителям разноухать наши секреты. В общем, велела она всем приступить, а сама ко мне подходит. Еле между партами протиснулась, она же толстая. Нависла надо мной, прямо к самому лицу нагнулась. Я на секундочку даже испугалась, что она меня сейчас поцелует!

– А ты, Трейси, конечно, пиши о своей приемной маме, – прошептала миссис Р.М., щекоча мне ухо мятым от «Тик-така» дыханием.

Это она думала, что тихо шепчет, а в классе все сразу на меня уставились. Я тоже на них уставилась, отодвинулась от Р.М. как можно дальше и говорю:

– Миссис Мешкли, я напишу о своей настоящей маме.

Так и сделала. Кучу страниц исписала. Почерк получился корявым, и не до правописания мне было, и о всяких там точках и заглавных буквах я тоже не задумывалась – только время зря тратить. Зато я написала потрясающее сочинение про маму! Только закончить не успела. Училка снова стала обходить класс, остановилась около меня и давай читать через плечо – жутко отвлекает, между прочим. А потом шмыгнула носом и тяжело вздохнула. Я думала, опять начнет зудеть об аккуратности и правописании – но на этот раз она содержанием была недовольна.

– Ах, Трейси, какое у тебя живое воображение! – сказала она противным снисходительным тоном.

Еще и языком прищелкнула, и головой покачала, все с такой дурацкой усмешечкой.

– В смысле? – спрашиваю я довольно резко.

– Трейси! Не надо грубить, моя дорогая! – У нее в голосе тоже злость прорезалась. – Я же объяснила, что такое «автобиографическая тема». Это значит, что нужно написать о себе и о своей жизни *правдиво*.

– У меня в сочинении все до последнего слова правда!

– Ах, Трейси!

И она начала читать вслух. Теперь уже в полный голос, чтобы всем было слышно.

– «Моя мама играет главную роль в голливудском фильме с Джорджем Клуни, Томом Крузом и Брэдом Питтом. Они все от нее в восторге и все за ней ухаживают. В следующем фильме роль ее младшего брата будет играть Леонардо Ди Каприо. Они с Леонардо очень подружились на репетициях, мама ему показала мою фотографию, которую она всегда держит при себе в кошельке. Леонардо сказал, что я просто прелесть и он хочет со мной переписываться».

Р.М. все это прочитала, передразнивая меня, противным тоненьким голоском.

Все вокруг покатывались со смеху. Некоторые чуть не описались от хохота. Р.М. тоже слегка улыбнулась и говорит:

– Трейси, неужели ты действительно в это веришь?

Ну, я и ответила:

– Я действительно верю, что вы тупая уродина и вам роль могут дать только в фильме о летучих мышах-кровососах.

Я думала, она сейчас и впрямь мне в горло зубами вцепится. Ей хотелось, но она сдержалась, только вывела меня из класса и велела постоять в коридоре, потому что ей надоели мои грубости.

Я ей ответила, что она мне тоже до смерти надоела и что имя у нее очень подходящее. Может, другие ученики думают, что «Р» означает «Ровена» или «Рамона», а я точно знаю, что это «Рвота», и фамилия тоже очень удачная, потому что она и вправду похожа на старый драный мешок с картошкой.

На середине моей речи Р.М. ушла в класс, так что остальное я договаривала уже самой себе, прислонившись к стене и уставившись на свои кроссовки. Я сказала, что просто счастлива пропустить ее урок, потому что она зануда, зануда, зануда, ее хлебом не корми – дай заморить детей своим занудством до смерти. И конфетами не корми, и пирожными, и рахат-лукумом. И вообще я прямо-таки в диком восторге, что могу проторчать весь урок в коридоре!

Тут мимо прошел мистер Хэтеруэй. Он вел мелкого хлюпика-третьеклашку, у которого пошла носом кровь на уроке.

– Сама с собой разговариваешь? – спросил мистер Хэтеруэй.

– Нет, со своими кроссовками, – ответила я со злостью.

Думала, он тоже начнет меня ругать, а он кивнул и утер третьекласснику окровавленный нос.

– Я тоже разговариваю со своими ботинками, когда на душе паршиво. Особенно со старыми разношенными мокасинами хорошо поговорить, очень успокаивает.

Мелкий хлюпик что-то проскулил, и мистер Хэтеруэй еще раз вытер ему нос.

– Идем-ка, приятель, к медсестре, окажем тебе первую помощь.

Мистер Хэтеруэй кивнул мне, и они ушли. До той минуты я была уверена, что новая школа на сто процентов отвратная. А теперь подумала, что на один процент она ничего себе. Мистер Хэтеруэй мне понравился. Жаль только, к нему в класс мне не попасть, разве что меня переведут из шестого класса в начальную школу. А на девяносто девять процентов школа все равно гнусная, так что я решила пойти погулять.

Удрать было очень просто. Легкотня. Я дождалась переменки. Р.М. махнула рукой, что я могу уходить. Еще и сморщилась, как будто от меня чем-то воняет. Я тоже в ответ нос зажала. Она притворилась, что ничего не заметила. Следующий урок у нас музыка, ведет мисс Смит, но я не стала ее дожидаться. Мисс Смит тоже ко мне придирается, а я всего-то один разочек попробовала стукнуть барабанной палочкой не по музыкальному инструменту. В общем, я шмыгнула в дальний конец коридора, как будто в туалет, а сама быстренько завернула за угол, проскочила мимо медкабинета (миссис Людовик меня не заметила, она возилась с тем малышом, у которого кровь шла из носа, там все было в кровище, как на поле

боя), выскочила за дверь и бегом через двор к воротам. Хоть их и запирают, но для Супер-Трейси это не проблема. Я в один миг перескочила через ограду. Правда, с той стороны свалилась и коленки немножко разбила, но это для меня пустяки.

Сейчас, вообще-то, коленки здорово болят, хотя кровь уже не течет. И грязные к тому же. Наверное, куча микробов мне в кровь попала, вот-вот температура подскочит и пена изо рта пойдет. Я и на самом деле неважно себя чувствую. А еще голодная, ужас просто. Зря я все деньги на блокнот потратила. Да еще и выбрала фиолетовый – точно того же цвета, как большая плитка шоколада «Кэдбери»! Скоро весь блокнот слюнями закапаю.

Давно плюнула бы на все и вернулась к Кэм, но часы только что пробили один раз. Час дня – обеденная перемена. А мне есть нечего. Нельзя возвращаться раньше времени, Кэм сразу насторожится. Можно, конечно, показать ей разбитые коленки и сказать, что меня отпустили с уроков из-за травмы, но тогда Кэм подумает, что я опять с кем-то подралась. А мне и в прошлый раз неприятностей хватило. И вообще, это нечестно! Роксана Грин первая начала. Она стала перед своими подружками высмеивать мою футболку. Сама хвасталась новой футболкой от Донны Каран, поводила плечами и так, и этак – ну, я и передразнила. Все засмеялись, а Роксана говорит:

– А у тебя, Трейси, от какого дизайнера футболка?

Я не успела придумать, что ей ответить, а она:

– Знаю-знаю! Фирма «Благотворительность»!

Все опять засмеялись, только гадко так. Я разозлилась и стала обзывать Роксану разными словами, а она меня. В общем, детский сад, но потом она меня назвала безотцовщиной, потому что у меня папы нет и никогда не было.

Ну я же должна была ее треснуть, правда? Это справедливо! Только Роксана со своими подпевалами так не считали и наябедничали миссис Рвоте Мешкли, а та тоже решила, что это несправедливо, и нажаловалась директору, мистеру Донну. Можете себе представить, он тоже решил, что я была неправа, позвонил Кэм и пригласил ее прийти в школу для *Серьезного Разговора*. Меня тоже привели в кабинет, и я им много чего сказала, очень даже серьезно, только Кэм меня обняла и шепнула на ухо:

– Трейси, остынь!

Я старалась. Представила себе, что плаваю в большом прохладном озере... Но злость горела во мне с такой силой, что вода вокруг закипела, и я высказала директору все, что думаю о нем, и о его мерзопакостных учителях, и о его зловонных учениках (смотрите, Р.М., какой у меня богатый словарный запас).

Меня чуть не исключили из школы. Глупость вообще-то – я бы только рада была. Не хочу я ходить в эту дурацкую школу!

Так что я сама себя исключила.

И вот сижу здесь.

В своем тайнике. Личном, эксклюзивном. В собственном доме.

Мой родной дом!

Правда, пока в нем не очень уютно. Хорошо бы разик пройтись пылесосом. Или два разика, или три, а то и четыре-пять. И прибраться не помешает, хоть дом и пустой. Во всех комнатах валяются жестянки из-под пива, картонные коробочки из «Макдоналдса» и разные бесплатные рекламные брошюрки. Если войти через парадную дверь – по щиколотку в мусоре увязнешь. Только я не через дверь вошла, потому что дверь заперта, еще и досками заколочена. Я вошла через разбитое окно сзади.

В сад я залезла пописать, а то сил терпеть никаких не было. Бродила-бродила по улицам и наткнулась на пустой дом в тупичке. Сад весь зарос колючими кустами, если за них зайти – с улицы ничего не видно. Там я и сделала все свои дела, только черная кошка вдруг пробежала мимо, я со страху дернулась и чуть кроссовки себе все не залила.

Когда привела себя в порядок, побежала за кошкой. Я придумала, что сад – это понарошку джунгли, а кошка – тигр, я его поймаю и приручу. Но кошка сказала «Извиняюсь!» – и ушла, задрав хвост.

Тогда я стала исследовать джунгли в одиночестве, увидела разбитое окно и решила в доме тоже разведать.

Дом оказался замечательным! Правда, почти совсем без удобств. Вода из кранов не течет, свет не включается, и батареи холодные. Зато в гостиной стоит диван, да такой шикарный – обит красным бархатом. Какой-то придурок весь его грязными сапогами измазюкал, но я поскребла ногтем – вроде отчищается.

Можно принести сюда подушку, одеяло... И еды! Еды побольше!

Точно, в следующий раз.

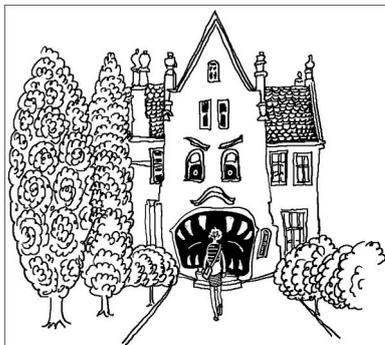
А сейчас мне пора уходить. Возвращаться к Кэм.

Дома у Кэм

Кэм – моя приемная мама. Я ее еле уговорила взять меня к себе. Когда я жила в детском доме, мне жутко хотелось в приемную семью. Просто до безобразия. Обо мне даже объявление поместили в газете, только составили его по-дурацки. Все мои недостатки расписали и школьную фотографию напечатали, где я такая хмурая и смотрю исподлобья. Никто и не захотел меня взять, я даже не удивилась. Хотя расстроилась, конечно. Особенно, когда кто-то газету в школу принес и всем показывал. Тогда я еще в другой школе училась. Тоже не ахти, но все-таки лучше этой. Эта вообще полный отстой.

А все Кэм виновата! Она меня заставила туда перевестись, потому что эта школа к нам ближайшая. А я с первого дня поняла, что буду ее ненавидеть. Школа старая, здание кирпичное, внутри все выкрашено коричневой краской, в гардеробе воняет, и учителя все тоже старые. Разговаривают так, словно все как один ходили на курсы красноречия, где учат говорить таким ужасным ироничным тоном.

Ну, вы знаете: «Очень умно, молодец, Трейси Бикер!» – когда нечаянно прольешь воду, в которой моют кисти (нарочно, прямо на дизайнерскую футболку Роксаны). Или: «Я бы и подумать не могла, что это ты, Трейси Бикер, всю доску исписала разными глупыми словами» (совсем не глупыми, очень даже прекрасными ругательными словами). Или: «Трейси Бикер, а погромче нельзя, а то, боюсь, глухая старушка на соседней улице тебя не расслышала». А мне приходится повышать голос, иначе ученики из моей группы меня не слушают!

Ненавижу, когда нас заставляют работать в группах. Все мигом разбиваются на команды: Роксана со своими подпевалами, Почти-Алан-Ширер с другими футбольными психами, Бандюга Диксон со своими громилами, Плакса Лиззи и Придурок Дон со своими приятелями, Заучка Ханна и Зубрила Эндрю тоже друг с другом. И еще я.

Р.М. каждый раз пристегивает меня к другой группе. А иногда в группе я одна, сама по себе. Ну и ладно, мне так больше всего нравится. Я их всех ненавижу!

Кэм говорит, что мне надо с кем-нибудь подружиться. А я не хочу дружить с этими тупыми уродами! Я постоянно ною, что школа мерзкая, и прошу Кэм куда-нибудь меня перевести. Но Кэм такая бестолковая! Ну сходила она в управление образования, там ей сказали, что все остальные школы в нашем районе переполнены. Она и смирилась. Не захотела скандалить. В этой жизни, если хочешь чего-нибудь добиться, надо уметь бороться! Я-то знаю.

– Тебя поставили на очередь, – сообщила Кэм, как будто думала, что я обрадуюсь.

Да я всю жизнь в очереди, дожидаюсь нормальной жизни! Когда Кэм пришла к нам в детдом собирать материал для нудной статьи, я решила – вот он, мой великий шанс! Между прочим, она меня в статье едва упомянула, а заплатили ей всего сотню фунтов. Я думала, такая приемная мама мне как раз подойдет, потому что мы с ней обе писательницы.

Правда, пришлось ее долго уговаривать. Но я умею быть целеустремленной, когда мне что-нибудь нужно. А Кэм была мне нужна. Очень.

Так что, когда она наконец сказала: «Ну ладно, Трейси, давай попробуем, хорошо?» – это было не просто хорошо. Я готова была прыгать до луны. Прямо в космос улететь от радости. Дождаться не могла – скорей бы уехать из этого несчастного детдома. Ужасно злилась на своего соцработника, Илень-Мигрень, что она все тянет с оформлением моей новой приемной семьи.

– Трейси, давай не будем торопиться, – говорила она.

А мне хотелось торопиться, а то как бы Кэм не передумала. Ей пришлось ходить на бесконечные собеседования и на какие-то курсы, хотя это совсем не по ее характеру. Она терпеть не может, когда ею командуют и поучают, – совсем как я. Мало ли, вдруг бы ей надоело и она бы решила все это бросить.

Но в конце концов нам разрешили провести вместе выходные. Ой, как было здорово! Кэм хотела провести время тихо-спокойно: прогуляться в парке, посмотреть пару фильмов по видео, заказать пиццу с доставкой... Я ей сказала, что все это у нас и в детдоме бывает – а нельзя ли как-нибудь по-особенному отпраздновать наши первые совместные выходные?

Ну, вы уже знаете, уговаривать я умею. Кэм сводила меня в парк аттракционов, там было просто потрясающе, и даже купила мне громадного игрушечного питона с зелеными блестящими глазами и черным раздвоенным языком. Кэм долго упиралась, говорила, что не хочет подкупать меня подарками, но я заставила питона умильно обмотаться вокруг нее и «попросить», чтобы его обязательно купили, а то продавец очень жестоко с ним обращается, когда он всего-то проголодался немножко и слопал пушистого игрушечного кролика и нескольких заводных мышек.

Все-таки Кэм его купила, хоть и твердила, что она с ума сошла и теперь до получки ей придется питаться одними бутербродами с сыром, потому что входные билеты и гамбургеры с жареной картошкой и без того стоили кучу денег.

Надо было мне уже тогда сообразить, что она жадная, но мне так хотелось, чтобы Кэм взяла меня к себе! Я совсем не замечала ее недостатков.

Может, моих недостатков она тоже не замечала?

Мы обе, в общем, как будто надели розовые очки, и улыбались друг другу, и все в мире было прекрасно, а в воскресенье вечером Кэм обняла меня на прощание почти так же крепко, как я ее, и сказала, что очень хочет довести дело до конца и взять меня к себе насовсем.

Так она и сделала. На этом моя история должна бы и закончиться. Жили они долго и счастливо... Только я не все время так уж счастлива. И подозреваю, Кэм тоже.

Вначале все было хорошо. Илень говорит – это у нас был медовый месяц. Понимаете теперь, почему я ее прозвала «Мигрень»? Как ляпнет иногда... Хотя на самом деле правда – чем-то мы с Кэм были похожи на новобрачных. Всюду ходили вместе, иногда и за руки держались, а когда мне чего-нибудь хотелось, Кэм все мне покупала, если хорошенько попросить. И я старалась не слишком буянить, а то вдруг еще Кэм разозлится и отправит меня обратно в детдом. Но прошло время...

Не знаю, в чем дело. Все изменилось. Кэм иногда отказывается водить меня в «Макдоналдс» и покупать мне разные вещи. Нужные, прямо-таки необходимые вещи – дизайнерскую одежду, например, чтобы меня не дразнили вредные девчонки вроде Роксаны. Кэм говорит, что не может себе позволить такие покупки. Неправда! Я же знаю, государство ей кучу денег платит за то, что она обо мне заботится. Это просто надувательство! И плюс еще то, что ей платят за книги.

Кэм говорит, что за писательство платят не много. Семечки, так она выразилась. Ну, сама виновата! Сочиняла бы что-нибудь захватывающее, чем тратить время на нудные газетные статьи, даже без картинок. А книжки у нее еще хуже. Тоскливые истории о бедных девушках с кучей проблем. Кто станет это читать? Лучше бы любовные романы писала! Я ей говорю, пусть пишет такие шикарные книги в гляцевых обложках, которые все всегда берут с собой в отпуск. Где красавицы в роскошных нарядах, а мужчины все занимаются интересной работой, все такие сильные и решительные и все постоянно то сходятся, то расходятся, и поэтому там очень много неприличных страниц.

Кэм только смеется и говорит, что такие книги терпеть не может. Она говорит, что ее не волнует писательская слава.

А меня волнует! Я хочу такую приемную маму, которой можно хвастаться. А Кэм разве похвастаешься? О ее книгах никто и не слышал никогда. И сама она не особенно красивая, не гламурная и совсем не секси. Не красится, а волосы стрижет так коротко, что их даже уложить невозможно, так и торчат дыбом. А одевается вообще ужасно: джинсы и футболки, и уж конечно не от какого-нибудь известного дизайнера.

И жилье у нее такое же невзрачное. Я-то мечтала жить в большом, роскошно обставленном доме, а у Кэм крохотная тесная квартирка. Даже ковра нормального нет, всего лишь несколько самодельных ковриков на полу. Кататься на них весело, но вид-то убогий! А видели бы вы ее диван... Кожа вся потрескалась, так что приходится ее прикрывать лоскутным одеялом и пухлыми подушками – Кэм их сама вышивала крестиком. Она и меня пробовала научить вышиванию, но у меня на это терпения не хватает, сразу начинаю злиться и бросаю.

У меня своя комната, но ее не сравнишь с моей комнатой в детском доме. По размеру – просто чуланчик. А Кэм такая вредная! Говорила, что свою комнату я могу обставить как захочу. У меня было столько идей! Я хотела громадную кровать с белым атласным покрывалом, и туалетный столик с лампочками вокруг зеркала, как у кинозвезд, и белый ковер, пушистый, как кошачий мех, и собственный компьютер, чтобы печатать мои истории, и стереосистему, и большущий белый телевизор, и видеомагнитофон, и трапецию, на которой можно разучивать цирковые трюки, и отдельную ванную, чтобы целыми днями плескаться в джакузи.

Кэм все это восприняла как шутку! А когда заметила, что я не смеюсь, сказала:

– Ну послушай, Трейс, разве все это влезет в твою комнату?

Ага, точно. А почему я должна жить в чулане? Я что, коробка с каким-нибудь старьем? Почему нельзя поменяться комнатами? У Кэм все равно вещей почти нет, только книжки и узенькая кровать. Она в чуланчике отлично поместится!

Я ее уговаривала как могла. Ныла и кланчила, а она уперлась – и ни в какую. Так меня и запихнула в крошечную комнатенку. Считается, это благо великое, что мне позволили самой решить, в какой цвет покрасить стены, и выбрать новые занавески да покрывало на кровать. Я выбрала черное – под настроение.

Думала, Кэм и тут отмахнется, а она сделала как я сказала. Черные стены, черный потолок... Она предложила все это украсить серебряными светящимися звездами. Вообще-

то, идея хорошая, а то я темноту не очень люблю. Не боюсь, конечно. Я ничего не боюсь! Просто приятно – смотришь вверх, а там звезды поблескивают.

Кэм разыскала где-то черное постельное белье с серебряными звездами и занавески такие же сделала. Шить она не умеет, нижний край подогнула криво, но по крайней мере старалась. Кэм называет мою комнату «пещерой летучих мышей». И даже купила несколько игрушечных бархатных черных летучих мышей – подвесила к потолку. Вообще-то они довольно милые. А питон лежит на полу у двери – сквозняк из щели заслоняет, а заодно охраняет комнату, чтобы никто посторонний не совался.

Например, Джейн и Лиз. Терпеть их не могу! Это подружки Кэм. Постоянно приходят и во все суют свой нос. Поначалу они мне вроде понравились. Джейн большая (видели бы вы, какая у нее толстая попа!), а Лиз маленькая и шустрая. Джейн однажды взяла меня с собой в бассейн. Джейн в купальнике – жуткое зрелище, а вообще-то было весело. Можно съезжать с горки прямо в воду, а еще специальная установка делает волны, а Джейн катала меня на плечах и не обижалась, когда я играла в то, что она кит. Даже фонтанчик изо рта пускала ради меня. А потом она как-то зашла к нам, когда мы с Кэм немножко поругались... Точнее, ругались по-страшному, я орала разные гадости, а потом обиделась и ушла к себе в пещеру и оттуда слышала, как Джейн говорила, что зря Кэм терпит мои капризы и что она, мол, понимает, у меня было трудное детство, но это не дает мне права быть такой кошмарной занозой в заднице. В ее-то громадной заднице занозу и не заметишь!

Я думала, хотя бы Лиз ничего себе. Сначала я ее побаивалась, потому что она учительница, но Лиз совсем не такая, как наша Р. М. Она знает кучу неприличных анекдотов и вообще веселая. Она мне свои ролики дала покататься, так здорово было! Я носилась с дикой скоростью и не упала ни разу, но потом я стала клянчить, чтобы Кэм купила мне собственные роликовые коньки, раз у меня так хорошо получается, и тогда Лиз слегка рассердилась и сказала мне, что Кэм деньги не печатает.

А жаль!

Потом Лиз целую речь задвинула о том, что любовь не измеряется деньгами и так далее. Прямо как будто в миссис Рвоту Мешкли превратилась у меня на глазах!

Я все равно ее немножко уважала, но однажды вечером я лежала в кровати у себя в пещере, а Кэм, наверное, плакала в гостиной, потому что мы с ней опять из-за чего-то поссорились... Не помню уже из-за чего. Ну, вообще-то помню. Так получилось, что я у нее взяла займы десять фунтов из кошелька – я же не украла! И вообще, если она моя приемная мама, должна давать мне карманные деньги, а она такая жадина – дает какие-то гроши. И взяла-то я всего лишь несчастную десятку, могла бы и двадцать спереть. И нечего разбрасывать сумочку где попало, если ей так денег жалко. Совсем жизни не знает эта Кэм, у нас в детдоме пяти минут бы не продержалась.

В общем, тут как раз пришла Лиз. Я тихонечко подползла к двери, как питон, – хотела послушать, о чем они говорят. Вдруг обо мне? И точно.

Лиз пристала, как клещ, – что на этот раз случилось? Кэм сперва крепилась, а потом все выболтала: оказывается, маленькая Трейси деньги ворует. И еще кое о чем порассказала. Ну да, взяла я у нее шариковую ручку на время... У Кэм их полно! И еще дурацкий медальон, который ей мама подарила. Я не хотела его ломать, просто попробовала выяснить, как он открывается.

Вообще-то ябедничать нехорошо! А Лиз еще и поощряла ее – якобы нельзя держать все в себе, иногда нужно выговориться и поплакать. Вдобавок всяких глупостей наплела, будто я ворую, потому что мне не хватает внимания. Сразу видно, что учительница. Учителя и соцработники вечно всякую бредятину вешают. А мне просто деньги понадобились, и ручка тоже, и... Ну да, и медальон понадобился. Я хотела туда наклеить мамину фотографию. Моей родной мамы. На фото она такая шикарная, настоящая кинозвезда, и улыбается так! А знаете, кому она улыбается? Крошечной малышке у себя на руках, которая тянет прядку ее чудесных белокурых волос. Эта малышка – я!

Были бы у Кэм длинные волосы... Была бы она шикарная, хоть немножко похожая на кинозвезду! И улыбалась бы почаще. А она целыми днями сидит в каких-то старых тряпках и грустит. Из-за меня.

Она разревелась при Лиз и стала говорить, что она плохая приемная мама и ничего у нас с ней не получается. Она думала, все будет по-другому.

Так я и знала! Я знала, что она не захочет со мной жить. Ну и наплевать!

Лиз сказала, что это всего лишь временный этап и что я просто пытаюсь определить границы дозволенного.

– Она скоро меня до грани доведет! – сказала Кэм.

– А ты не поддавайся! – сказала Лиз. – Развлекись как-нибудь. Нельзя, чтобы вся твоя жизнь вертелась только вокруг Трейси. Смотри, ты никуда не ходишь. Даже курсы бросила.

– Я же не могу оставлять Трейси одну по вечерам. Я пробовала заговорить о приходящей няне, она страшно обиделась.

– А плавание по утрам? Ты уже неплохо подтянулась... Может, тебе ходить вместе с Трейси по утрам, перед школой? Джейн говорит, ей понравилось в бассейне.

– Времени нет! Она и так еле успевает в школу к девяти. Ох, вот еще несчастье... Трейси никак не приживется в новой школе. Директор без конца мне звонит. Просто не знаю, что делать!

– Может, скажешь Трейси, что тебя это огорчает?

– Мои переживания Трейси не волнуют. Для нее важно только то, что она сама чувствует. Да, ей сейчас тоже нелегко, и она срывается на мне.

– Попробуй хоть раз дать ей отпор! Поставь ее на место! – говорит вреднюга Лиз.

– В том-то и дело! Поэтому с ней так трудно. У Трейси никогда не было своего места, вот она и не знает, что это такое.

Мне стало хорошо оттого, что Кэм это понимает, и в то же время очень плохо – я не хочу, чтобы она меня жалела и только поэтому оставила у себя. Я хочу, чтобы она взяла меня к себе, потому что ей одиноко и я наполняю ее жизнь смыслом и вообще жутко ей нравлюсь. Она говорит, что привязалась ко мне, но на самом деле она меня не любит так, как любят настоящие мамы. Не покупает мне вкусности каждый день, не дает кучу денег и не разрешает сидеть дома, а заставляет ходить в эту ужасную школу. Не пойду туда больше! Можно прогуливать каждый день, запросто.

Я все точно рассчитала и вернулась как раз вовремя. Кэм сидела на своем старом диване-развалюхе и строчила в блокноте очередную убогую историю. Когда я влетела в комнату, Кэм вздрогнула, но сразу улыбнулась. У меня появилось какое-то странное чувство, как будто я по ней соскучилась, что ли. Я с разбегу плюхнулась рядом с ней на диван.

– Эй, Трейс, осторожнее! – сказала Кэм, когда снова села прямо. – Диван развалишь. И мне все кости переломаешь!

– Там половина пружин все равно давно сломаны.

– Слушай, я и не говорила, что живу в прекрасном дворце!

– Скорее в уродской хибаре.

Я встала и прошлась по комнате, пиная обшарпанную мебель.

– Трейси, прекрати! – резко сказала Кэм.

Ага! Решила дать мне отпор! Ну ничего, я и сама ей могу дать отпор. Еще и ноги об нее вытру.

Кэм заметила, что я расправила плечи, и сразу сникла:

– Трейси, пожалуйста, не начинай! У меня был тяжелый день. Помнишь, я столько времени работала над статьей?

– Не приняли?

– Поэтому я в унынии. И четвертая глава романа что-то не идет...

– А ты напиши такой роман, чтобы хорошо продавался! Динамичный!

Я махнула ногой, как будто исполняла прием карате. Я не задела Кэм, но она все-таки моргнула.

– И веселый!

Я запрыгала на месте.

– И побольше секса!

Я вильнула бедрами и похлопала ресницами.

– Да-да, – вздохнула Кэм.

– Вот увидишь, я, когда стану писательницей, сразу разбогатею! – Я заглянула в блокнот Кэм, там были набросаны какие-то отрывки. – Ну-у, я в сто раз больше могу написать! Вот сегодня столько страниц накатала, целую книгу практически!

– Это вы сочинение писали?

– Да нет... Ой-ой, осторожнее! – Это я просто сама для себя. – На перемене.

– Можно посмотреть?

– Нет!

Я не хотела, чтобы Кэм увидела мой фиолетовый блокнот. А то задумается еще, когда это я успела его купить. И где деньги взяла. Начнет снова проверять кошелек – а зачем нам еще один скандал?

– Понимаю, это личное. Ну хоть заглянуть-то можно?

– Ты прямо как наша Рвота Мешкли! Она нас заставила сочинение писать на автобиографическую тему, любопытство ее замучило. «Моя семья» и так далее...

Кэм сразу напряглась и о моей личной писанине забыла – чего я и добивалась!

– Говорит, чтобы я написала о своей приемной маме...

– А ты?

– А я написала о настоящей! Что она не может ко мне приехать, потому что снимается в Голливуде... Ну, ты знаешь.

– Да... Я знаю.

– А Рвота не поверила! Она меня высмеяла, при всех.

– Это ужасно!

– Ты-то мне веришь, Кэм? Насчет моей мамы?

Я внимательно за ней наблюдала.

– Ну-у... Я знаю, Трейси, что мама очень много для тебя значит.

– Ха! Ты считаешь, я все выдумала, так?

– Нет! Если... если ты сама считаешь, что все это правда.

– Конечно неправда! – заорала я. – Я сама все это сочинила! Дурацкие детские выдумки! Никакая она не актриса! А не приезжает, потому что ей нет до меня дела!

– Трейси, этого мы не знаем...

Кэм попробовала меня обнять, но я сбросила ее руку.

– Я знаю! Я ее столько лет не видела! Раньше, в детдоме, я ее все время ждала, ждала...

Прямо как ненормальная. А она никогда не приедет! Ее кто-нибудь спросит: «Помнишь такую Трейси Бикер?» – так она, наверное, ответит: «Постойте, Трейси? Что-то смутно знакомое... Кто это, вообще?» Плевать ей на меня. И мне тоже плевать! Не нужна она мне!

Я сама не ожидала, что такое скажу. Кэм на меня уставилась во все глаза. А я на нее. В горле вдруг пересохло, и под веками защипало. Я чуть не заплакала... Только я никогда не плачу.

В глазах все расплывалось, и Кэм превратилась в какое-то неясное пятно. Я шагнула к ней, протягивая руки, как будто нащупывала дорогу в тумане.

И тут зазвонил телефон. Мы обе так и дернулись. Я проморгалась и сняла трубку. Кэм сказала – пусть звонит, но я так не могу.

Это звонила Илень-Мигрень. Она попросила позвать Кэм, что характерно. Она же *мой* соцработник! И речь шла обо мне, а она сначала Кэм все рассказала, а мне потом.

Ни за что в жизни не угадаете.

К ней обратилась моя мама.

Она хочет со мной встретиться!

Дома у Илень

На самом деле я пришла не домой к Илень, а на работу. Она постаралась навести там домашний уют. На стене разместила фотографии детей – где-то там и я есть. Илень взяла тот снимок, где я глаза скосила и язык высунула. На шкафчике с папками сидит точно такой же косоглазый медведь и пугает малюсенького сиреневого вислоухого кролика. На письменном столе у нее стоит открытка-валентинка. Я незаметно заглянула внутрь, там написано «Моей милой Крольчишке от Большого Медведя». Фу-у! Еще она держит в кабинете фотографию в рамочке, на фото жутко тощий тип в очках. Видимо, это и есть Большой Медведь. Еще на стенах висят разные девизы, например: «Чтобы здесь работать, не обязательно быть психом, но это помогает». Еще стихи о старушке в лиловом и какое-то нудное рассуждение о том, что надо прислушиваться к своему внутреннему ребенку.

Нечего Илень заниматься своим внутренним ребенком. Я – ее внешний ребенок, и мне бывает жутко тяжело до нее докричаться, хоть надорвись от воплей.

– Трейси, успокойся! – сказала Илень.

– Не успокоюсь! – проорала я в ответ. – Я хочу увидеть маму! Я этого так долго ждала! Годы! Хочу увидеть маму, сейчас же!

– Криком ты ничего не добьешься, – заявила Илень. – Ты уже большая, должна понимать, что так дела не делаются.

– Да они вообще никак не делаются! Почему нельзя вот прямо сейчас увидеться с мамой?

– Потому что к встрече нужно подготовиться.

– Подготовиться? Я полжизни к ней готовлюсь! Готова давно, куда уж больше!

– В том-то и дело. Трейси, мы не хотим тебя слишком волновать.

– То есть сказать, что мама хочет со мной повидаться, а потом сообщить, что мне нельзя с ней встретиться, – это не значит волновать?!

– Я не говорила, что с ней нельзя встретиться. Конечно, вы обязательно увидите.

– Когда?

– Когда мы все организуем и выберем подходящее время.

– Кто это «мы»?

– Я же должна буду присутствовать. И Кэм тоже.

– Зачем? Почему нельзя нам с мамой встретиться вдвоем?

Когда-то мы с ней жили вдвоем, только она и я, больше никого. Я до сих пор помню! Нам было так весело... Мама у меня потрясающая красавица. Чудесные длинные волнистые волосы, и нарядное платье, и туфли на каблуках. Мама очень красивая. Была. Когда мы с ней в прошлый раз виделись. Вообще-то довольно давно.

Очень-очень давно.

Я правда помню нашу последнюю встречу. Поначалу мама меня навещала в детском доме. Куклу подарила и сводила в «Макдоналдс». Мы так чудесно провели день! Она поцеловала меня на прощание. Я помню, как ее светлые локоны щекотали мне щеку и как от нее сладко пахло пудрой. Я обхватила ее за шею крепко-крепко, и когда мама выпрямилась, я так и висела на ней, как мартышка, и мама рассердилась, потому что я ей шикарную черную юбку изгаздала кроссовками. Я испугалась, что теперь она больше не захочет ко мне приезжать.

Я спросила:

– Мама, ты еще приедешь? В следующую субботу? И мы опять пойдем в «Макдоналдс», обещаешь?

Она пообещала.

И не приехала. Я и в следующую субботу ждала, и в следующую, и в послепослелеследующую.

Мама так и не приехала. Ее пригласили в Голливуд, и она стала сниматься в суперпопулярном фильме, и...

Ну почему я опять плету все те же ерундовые детские выдумки? Наверное, мама никогда не была актрисой. И уж точно не снималась ни в одном известном фильме. Просто ей неохота было приезжать. Она оставила меня в детском доме на много лет.

В детдом меня забрали, потому что мама плохо обо мне заботилась. Она все время уходила со своим приятелем, а меня бросала дома одну. Потом у нее появился новый друг, такой страшный – когда я плакала, он меня бил. Я подсмотрела в моем личном деле и сама немножко помню. Мне до сих пор кошмары снятся.

Так почему я так хочу увидеться с мамой?

Совсем даже не хочу!

Нет, хочу.

После того как она так со мной обращалась?

Все равно она моя мама.

Теперь у меня есть Кэм.

Кэм не мама, она приемная. И вообще я ей уже надоела.

Правда надоела?

Не знаю.

Надо бы поговорить с Илень.

К следующей нашей встрече с соцработником я приняла решение.

Илень так и лучилась счастьем, словно кролик на грядках с салатом:

– Ах, Трейси, могу тебя обрадовать: мы обо всем договорились, и ты сможешь встретиться с мамой.

– А я не хочу.

Илень по-кроличьи дернула носом:

– Что-что?

– Я говорю: не хочу. Я не обязана с ней встречаться.

– Трейси, ты меня в гроб загонишь!

Илень прикусила губу своими кроличьими передними зубами, а потом слегка прищурилась. Я знала, что она сейчас медленно считает до десяти. Она всегда так делает, когда я ее довожу. Досчитала и улыбнулась широкой неискренней улыбкой.

– Трейси, я все понимаю...

– Ничего вы не понимаете.

– Ты волнуешься, это естественно. Встреча с мамой много для тебя значит. Вдруг что-то пойдет не так? Страшно рисковать. Но мы с твоей мамой несколько раз беседовали по телефону. По-моему, она не меньше тебя хочет встретиться. Я уверена, Трейси, на этот раз она обязательно придет.

– Я сказала, что не хочу ее видеть! – заявила я, хоть и понимала, что Илень мне не обмануть.

Зато теперь уже она решила пойти на хитрость:

– Ну ладно, Трейси, не хочешь – как хочешь. Позвоню ей и все отменю.

И начала набирать номер.

– Ой, подождите! – крикнула я. – Не надо торопиться!

Илень захихикала:

– Ага, попалась!

– По-моему, дразниться непрофессионально, – сказала я свысока.

– Да ты профессионального святого выведешь из терпения! – ответила Илень и рас-трепала мне волосы. – А с Кэм как у вас дела?

– Нормально вроде.

– Знаешь, она целиком и полностью поддерживает идею твоей встречи с мамой, но ведь ей, наверное, сейчас тяжело...

– Так в этом же и состоит роль приемной матери, разве нет? Отойти в тень, когда нужно. Поощрять контакты с природной семьей. Я читала в брошюрках.

– Какая ты добрая, Трейси, – вздохнула Илень.

– Ага, как же. Я совершенно бессердечная и бездушная!

И вот... Завтра я увижу маму! Наверное, потому и не могу заснуть. Сижу без сна в три часа утра, строчу в блокноте и гадаю, какая она сейчас. Правда придет или нет?

Ой-ёй! За стенкой какое-то шевеление. Кэм заметила, что у меня свет включен.

Позже. Я думала, Кэм рассердится, а она заварила нам чаю, и вот мы с ней устроились на разных концах моей кровати, каждая со своей чашкой. Вообще-то я не люблю ее дурацкий чай с травами, но она купила специально для меня клубничный, он не такой противный.

Я думала, Кэм захочет поговорить по душам (хоть я и бездушная), но она, слава богу, просто стала рассказывать о том, как была маленькая и, когда не могла заснуть, сочиняла сама для себя историю.

Я сказала:

– Ага, я тоже придумываю для себя истории, жутко страшные, с привидениями!

– Нет, упырик ты мелкий! Это такая специальная уютная история.

Кэм в детстве представляла себе, что ее одеяло – это большая белая птица, которая несет ее на спине при свете звезд, а потом они прилетают к озеру и плавают по нему в темноте, а потом забираются в громадное гнездо, сплетенное из мха...

– Ага, там полно тины и птичьих какашек, да?

– А вот и нет! Там чисто и очень мягко, потому что гнездо выстлано птичьим пухом, и я забиралась под крыло к большой белой птице и слушала, как под белоснежными перьями бьется ее сердце.

– А, понятно. Это такая специальная история, чтобы меня усыпить!

Но когда Кэм забрала мою чашку, подоткнула одеяло и потрепала меня по волосам (ну почему они все меня по голове треплют, как непослушного щеночка?), я осталась одна в темноте и попробовала на себе эту ее историю. Только я Трейси Бикер, а не какая-нибудь размазня вроде Кэм, и я живу в пещере с летучими мышами, так что я представила себе большущую черную летучую мышь. Мы с ней вместе мчались по ночному небу, влетали в окна и кусали Р.М. за шею, а Роксану тяпнули за нос. Те давай визжать, а мы раз – и в окошко! Потом, кажется, летучая мышь принесла меня к себе, в настоящую пещеру, и мы висели вниз головой под потолком вместе с ее братиками и сестричками, только я к тому времени уже совсем заснула.

Сейчас я уже опять проснулась. Очень рано. Сижу и жду.

Придет, не придет?

Пришла, она пришла!!!

Кэм проводила меня к Илень, а сама осталась ждать снаружи, и – чудо из чудес – Илень осталась вместе с ней. Так что встреча века состоялась без посторонних. Только я и моя мама.

Я сидела в кабинете Илень и вертелась на стуле на колесиках, все кругом и кругом, и тут входит женщина, стоит и смотрит на меня. Невысокая такая, с очень светлыми волосами и очень яркой губной помадой, в очень коротенькой юбке и на очень высоких каблуках.

Красавица с длинными белокурыми волосами и очаровательным лицом, в стильной одежде.

Моя мама.

Я ее сразу узнала.

А она меня – нет. Поморгала, как будто ей тушь в глаз попала:

– Трейси?

И оглядывается по сторонам, как будто тут целая толпа детей.

– Привет! – пискнула я дурацким тоненьким голоском.

– Ты не моя Трейси! – Мама покачала головой. – Ты слишком большая!

Вообще-то я для своего возраста очень даже маленькая и худенькая, так что сперва даже не поняла, о чем это она.

– Моя Трейси – совсем малышка! Смешная девчонка с нелепыми косичками. Какие скандалы закатывала, когда я ее причесывала! – Мама присмотрелась ко мне поближе. – Это и правда ты?

Я дернула себя за прядку волос и сделала вид, будто заплетаю косичку.

– Ну и характерец у тебя был, не приведи боже! – сказала мама. – Так это в самом деле ты? Моя Трейси!

– Мама...

– Ну надо же!

Наступила пауза. Мама протянула было ко мне руки, но сразу передумала и сделала вид, что просто потягивается.

– Надо же, – повторила она. – Как ты поживала, дорогая? Скучала по мне, а?

У меня сразу год за годом пронеслись в голове. Столько всего вспомнилось... Я хотела рассказать маме, каково мне было, но слова не шли на язык. Я же страшная болтушка, спросите кого хотите – а тут смогла только кивнуть.

Маму это, кажется, разочаровало:

– Я тут с ума схожу, все думаю о тебе! Столько раз хотела тебя забрать, но жизнь такая суматошная. То одно, то другое...

– Съемки в кино? – прошептала я.

– Угу.

– В Голливуде?

– Не совсем.

– Но ты же правда актриса, мам?

– Да, золотце! Еще в модельном бизнесе работаю, то да се... Так я говорю – я давно собиралась тебя вернуть, но я хотела все устроить идеально, понимаешь?

Я не понимала, но промолчала.

– Все время мне попадаются какие-то не те мужики, – доверительно сообщила мама, присев на край письменного стола и роясь в сумочке.

– Я помню, – ответила я осторожно. – Был один... Я его ненавидела.

– Ну да, ну да, всякие были... А мой последний! Полная свинья!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.